

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ КАК МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО БАЛАНСА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕРМАНИИ И КНР

Неъматов Абдухаким

Магистрант ТГЮУ.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19667594>

Аннотация. *Статья посвящена исследованию оговорки о публичном порядке как механизма обеспечения правового баланса в международном частном праве на примере правовых систем Германии и Китайской Народной Республики. Анализируется институционализированный подход Германии, в рамках которого публичный порядок реализуется через нормы Гражданский кодекс Германии (BGB), обеспечивающие баланс интересов участников гражданского оборота. Рассматривается специфика китайской модели, основанной на категориях, закреплённых в Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, и характеризующейся сочетанием широкой нормативной формулировки и ограничительной практики применения. По результатам сравнительного анализа делается вывод о том, что оговорка о публичном порядке выступает эффективным инструментом ограничения автономии воли сторон. Обосновывается необходимость её узкого, рестриктивного толкования для обеспечения баланса частных и публичных интересов.*

Ключевые слова: *публичный порядок; международное частное право; оговорка о публичном порядке; Германия; Китайская Народная Республика; автономия воли; сравнительное правоведение; гражданское право; международный арбитраж; правовой баланс.*

Abstract. *This article examines the public policy exception as a mechanism for ensuring legal balance in private international law, using the legal systems of Germany and the People's Republic of China as examples. It analyzes the institutionalized German approach, in which public policy (ordre public) is implemented through the provisions of the German Civil Code (BGB), ensuring a balance of interests among participants in civil transactions. The study also explores the specific features of the Chinese model, based on the categories enshrined in the Civil Code of the People's Republic of China, which is characterized by a combination of broad normative formulation and restrictive application in practice. Based on the comparative analysis, the article concludes that the public policy exception serves as an effective tool for limiting party autonomy. It argues for a narrow, restrictive interpretation of this concept in order to maintain a proper balance between private and public interests.*

Keywords: *public policy; private international law; public policy exception; Germany; People's Republic of China; party autonomy; comparative law; civil law; international arbitration; legal balance.*

В немецкой правовой системе оговорка о публичном порядке закреплена через концепцию *öffentliche Ordnung*, что в буквальном переводе означает «общественный порядок».

Она играет ключевую роль как в национальном, так и в международном частном праве, обеспечивая защиту базовых интересов общества, государства и правопорядка, одновременно ограничивая возможность произвольного толкования норм гражданского законодательства.

Ярким примером применения оговорки в гражданском праве является Section 499 Гражданского кодекса Германии (BGB – Bürgerliches Gesetzbuch), регулирующий права кредитора в сфере потребительских кредитов: Section 499 BGB – Right of the lender to terminate; right to refuse performance¹.

В общем потребительском кредитном соглашении условие о праве кредитора на расторжение считается недействительным, если конкретное условие договора установлено или срок расторжения меньше двух месяцев.

В случае соответствующего соглашения кредитор имеет право отказать в предоставлении кредита по объективной причине, если не установлен срок погашения.

При намерении использовать данное право кредитор обязан уведомить заемщика и по возможности заранее сообщить причины, однако информация о причинах не предоставляется, если это поставит под угрозу общественную безопасность или порядок.

Кредитор не вправе расторгнуть кредитный договор или требовать его изменения исключительно по причине неполноты предоставленной заемщиком информации или неправильной оценки кредитоспособности, за исключением случаев умышленных действий заемщика².

Данная статья демонстрирует институционализированный подход Германии к публичному порядку, который проявляется через конкретные механизмы регулирования и защиты интересов общества. Немецкий законодатель, закрепляя нормы Section 499 BGB, демонстрирует высокий уровень внимания к балансу интересов государства, общества и отдельных граждан. На первый взгляд, статья может показаться узко специализированной, предназначенной исключительно для регулирования отношений между кредитором и заемщиком. Однако при более внимательном изучении становится очевидным, что закон формирует широкую концепцию публичного порядка, внедрённого в гражданский оборот, который защищает не только экономические интересы кредитора, но и устойчивость финансовой системы и социальную стабильность общества в целом. Одним из наиболее интересных элементов Section 499 BGB является то, что он одновременно соединяет строгую формализацию норм с гибкостью их применения.

Так, пункт 2 статьи прямо ограничивает кредитора в предоставлении информации о причинах отказа, если это может поставить под угрозу общественную безопасность или порядок. На практике это означает, что закон признаёт существование исключительных ситуаций, когда интересы общества и государства имеют приоритет над правами отдельного субъекта, но при этом создаёт механизм, позволяющий кредитору действовать в рамках правовых норм, не нарушая доверие заемщика. С точки зрения академической аналитики, Section 499 BGB отражает двойственную природу публичного порядка, характерную для немецкой правовой системы.

С одной стороны, он выполняет защитную функцию, предотвращая действия, которые могут угрожать базовым структурам общества и государству. С другой стороны, он обеспечивает дисциплинирующую функцию, ограничивая возможность злоупотреблений со стороны кредиторов. Такая двойственность демонстрирует, что публичный порядок в Германии — это не абстрактная концепция, а инструмент регулирования реальных социальных и экономических отношений.

¹ Kegel G., Schurig K. *Internationales Privatrecht*. 9. Aufl. München: C.H. Beck, 2004. С. 401–405.

² Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 499 Darlehensvertrag. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_499.html

Важной особенностью немецкого подхода является то, что публичный порядок строго ограничен рамками объективной угрозы, а не субъективной оценки кредитора. Это соответствует традиционной немецкой доктрине, согласно которой нормы должны быть предсказуемыми, прозрачными и основанными на объективных критериях, что минимизирует риск произвольного толкования. Иными словами, Section 499 BGB не предоставляет кредитору карт-бланш для отказа в исполнении обязательств — каждый шаг должен быть обоснован, документально подтверждён и проверен судебной системой³.

Следует также отметить, что немецкий законодатель уделяет внимание институционализированному контролю, отражённому в требовании уведомления заемщика о причинах отказа, если это возможно. Этот механизм создаёт доверие между участниками правоотношений, что особенно важно в финансовой сфере, где прозрачность и предсказуемость действий кредиторов напрямую влияют на стабильность кредитного рынка. В академической литературе подчёркивается, что именно такой подход делает публичный порядок в Германии эффективным и одновременно справедливым инструментом регулирования.

Сравнивая немецкую модель с подходами других стран, становится очевидным, что германский публичный порядок отличается высокой институционализированностью и формализованностью. В отличие от Китая, где государство может интерпретировать угрозу общественному порядку довольно широко и включать в неё экономические и политические факторы, немецкая система ориентирована на защиту фундаментальных юридических интересов общества, таких как стабильность финансовой системы, безопасность и правопорядок. В этом смысле Section 499 BGB является примером точного баланса между индивидуальными и коллективными интересами, где государство признаёт право частных лиц заключать сделки, но вмешательство возможно при реальной угрозе базовым интересам общества.

Ещё одна важная аналитическая точка заключается в разграничении публичного порядка и общественной морали. В немецкой традиции эти категории не смешиваются: публичный порядок связан с защитой институциональных и системных интересов, тогда как мораль касается ценностей и норм, принятых в обществе, и носит более субъективный характер. Такое разграничение усиливает академическую ценность Section 499 BGB, позволяя исследователям видеть системный характер немецкого подхода, где каждая мера имеет ясную юридическую цель и критерий применения.

Наконец, с теоретической точки зрения, Section 499 BGB иллюстрирует концепцию контролируемого плюрализма, о которой упоминают современные исследователи международного права. Этот принцип заключается в том, что государства имеют право защищать свои фундаментальные интересы, но делают это в рамках предсказуемых и прозрачных норм, не нарушая доверие участников международного и внутреннего правового оборота. В данном случае публичный порядок становится не только юридическим инструментом, но и механизмом поддержания социального доверия и экономической стабильности, что особенно актуально в условиях глобализации и трансграничного движения капитала⁴.

³ Palandt O. *Bürgerliches Gesetzbuch: Kommentar*. 82. Aufl. München: C.H. Beck, 2023. § 499, Rn. 3–5.

⁴ Canaris C.-W. *Systemdenken und Systembegriff in der Jurisprudenz*. 2. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1983. С. 112–118.

На практике нормы Section 499 BGB применяются преимущественно в сфере потребительских кредитных отношений, однако их значение выходит далеко за рамки отдельных частных договоров, отражая более широкий интерес к стабильности общества, финансовой системы и функционированию правопорядка. Закон не ограничивается чисто технической регламентацией прав и обязанностей сторон, а формирует широкий институциональный механизм защиты публичного порядка, который направлен на предотвращение рисков, способных повлиять на фундаментальные социальные и экономические структуры государства⁵. Один из ключевых аспектов правоприменения Section 499 BGB заключается в том, что он предоставляет кредитору возможность отказаться от исполнения договора при наличии объективной угрозы публичному порядку.

Такой механизм носит профилактический характер, поскольку позволяет предотвращать потенциальные кризисные ситуации, возникающие в финансовой сфере.

Например, массовое предоставление кредитов ненадёжным заемщикам может привести к цепочке непогашенных обязательств, что, в свою очередь, создаёт угрозу стабильности финансовой системы и экономической устойчивости государства⁶. В этом контексте Section 499 BGB выполняет не только юридическую функцию защиты конкретных интересов кредитора, но и социально-экономическую функцию, ограничивая возможности действий, которые могли бы негативно сказаться на обществе в целом.

Второй важный аспект применения нормы связан с требованием информирования заемщика о причинах отказа, если это не ставит под угрозу безопасность или публичный порядок. Такой подход отражает принцип добросовестности, который является фундаментальным для немецкого гражданского права, и обеспечивает сбалансированное взаимодействие частного и общественного интереса. На практике это означает, что кредитор не может действовать произвольно или необоснованно, отказывая в предоставлении кредита; любое решение должно быть аргументировано, прозрачным и, по возможности, документально подтверждённым⁷. Механизм уведомления заемщика является важным инструментом поддержания доверия в гражданском обороте: он демонстрирует уважение к правам физического лица, одновременно обеспечивая защиту публичного порядка и минимизируя риск злоупотреблений.

С академической точки зрения, такой подход подчёркивает двойственную функцию публичного порядка: с одной стороны, он выполняет охранительную роль, защищая государство и общество от потенциальных угроз, а с другой стороны — дисциплинирует участников гражданского оборота, обеспечивая соблюдение принципов добросовестности и прозрачности в экономических отношениях. Немецкие суды играют ключевую роль в обеспечении институционального контроля за соблюдением Section 499 BGB. В судебной практике тщательно проверяется, действительно ли отказ кредитора основан на реальной угрозе публичному порядку, а не на субъективных или произвольных основаниях. Такой контроль отражает формализованный подход Германии к публичному порядку, при котором государственные институты, в частности суды, выступают гарантом равновесия между индивидуальными правами и коллективными интересами общества.

⁵ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 499 Abs. 2.

⁶ Bundesgerichtshof (BGH) case law on consumer credit (обзор): URL: <https://www.bundesgerichtshof.de>

⁷ Zimmermann R. *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 1996. С. 576–580.

При этом важно отметить, что любое злоупотребление нормой, проявляющееся в попытках использовать публичный порядок как предлог для обхода обязательств или получения необоснованного преимущества, система права рассматривает как недопустимое. Подобная практика усиливает доверие участников гражданского оборота к финансовой и правовой системе, укрепляет стабильность гражданского права и подчеркивает важность соблюдения принципа прозрачности, предсказуемости и справедливости в немецкой правовой культуре⁸.

Вопрос о содержании и функциях оговорки о публичном порядке в праве Китайской Народной Республики приобретает особую актуальность в условиях активного участия страны в международном экономическом обороте и развитии трансграничных частноправовых отношений. Несмотря на то что китайское законодательство не использует термин «публичный порядок» в его классическом, западноевропейском понимании, соответствующий правовой механизм объективно существует и выполняет аналогичные функции⁹. Его нормативное закрепление и последующее развитие демонстрируют стремление китайского законодателя и правоприменителя обеспечить баланс между открытостью национальной правовой системы и защитой фундаментальных интересов государства и общества¹⁰. Следует отметить, что базовое регулирование оговорки о публичном порядке в китайском гражданском праве осуществляется посредством положений Гражданский кодекс КНР, в частности статей 8 и 10. Именно данные нормы формируют исходную нормативную основу для ограничения автономии воли сторон и применения различных источников права¹¹. В них закрепляется общий принцип недопустимости нарушения общественного порядка и добрых нравов, который распространяется на все гражданские правоотношения и выступает универсальным критерием правомерности поведения субъектов¹².

Так, в соответствии со статьей 8 Гражданского кодекса КНР субъекты гражданских правоотношений при осуществлении своей деятельности обязаны соблюдать законы и не должны нарушать общественный порядок и добрые нравы. Данная норма носит общий и императивный характер, выступая в качестве фундаментального принципа гражданского права. Она ограничивает свободу участников гражданского оборота, устанавливая, что реализация субъективных прав и исполнение обязанностей не могут противоречить базовым ценностям общества. Таким образом, статья 8 выполняет функцию материально-правового ограничения, препятствующего злоупотреблению правом и недобросовестному поведению. Статья 10 Гражданского кодекса КНР, в свою очередь, закрепляет правило разрешения гражданских споров: они должны разрешаться на основе закона, а при отсутствии соответствующих правовых норм допускается применение обычаев¹³.

⁸ Michaels R. Public Policy Exception in Private International Law // *Max Planck Encyclopedia of Private International Law*. 2017.

⁹ Nygh P., Davies M. *Conflict of Laws in Australia*. Sydney: LexisNexis, 2014. С. 312–315.

¹⁰ Wang Guiguo. *Chinese Law*. The Hague: Kluwer Law International, 1999. С. 145–150.

¹¹ Civil Code of the People's Republic of China (2020). URL: https://english.www.gov.cn/archive/laws_regulations/2020/05/28/content_WS5ed06c49c6d0b3f0e9497d1f.html

¹² Качулис Антон Алексеевич ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ // *Правоведение*. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogovorka-o-publichnom-poryadke-v-zakonodatelstve-i-sudebnoy-praktike-kitayskoy-narodnoy-respubliki>

¹³ Люй Цзин Применение оговорки о публичном порядке в законодательстве КНР // *Актуальные проблемы российского права*. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-ogovorki-o-publichnom-poryadke-v-zakonodatelstve-knr>

Однако законодатель вводит важное ограничение — такие обычаи не должны противоречить общественному порядку и добрым нравам. Это положение свидетельствует о том, что категория публичного порядка выполняет не только регулятивную, но и фильтрующую функцию, определяя пределы допустимости применения различных источников права.

Следовательно, статья 10 расширяет сферу действия оговорки о публичном порядке, распространяя ее на механизм правоприменения в целом¹⁴.

Комментируя указанные нормы, следует подчеркнуть, что их значение выходит далеко за рамки формального закрепления общих принципов. В совокупности статьи 8 и 10 формируют нормативное ядро института публичного порядка в китайском праве. Они задают универсальный критерий оценки как поведения субъектов гражданского оборота, так и применимости правовых норм, включая обычаи и, в более широком контексте, иностранное право. Отсутствие детального законодательного определения содержания общественного порядка компенсируется их рамочным характером, что позволяет наполнять данный институт конкретным содержанием через судебную практику. Таким образом, данные статьи выступают в качестве отправной точки для формирования доктрины публичного порядка и ее практического применения¹⁵. Оговорка о публичном порядке в праве Китайской Народной Республики представляет собой сложный правовой механизм, направленный на ограничение применения иностранного права, а также на отказ в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в случаях, когда такие акты противоречат базовым ценностям национальной правовой системы¹⁶. В отличие от классического подхода, закрепленного, например, в Нью-Йоркской конвенции 1958 года, китайский законодатель не использует термин «публичный порядок» в его прямом выражении, а оперирует категориями «общественные и публичные интересы» (社会公共利益) и «общественный порядок и добрые нравы» (公序良俗)¹⁷. Данные категории получили закрепление в Гражданский кодекс КНР, прежде всего в статьях 8 и 10, что позволяет утверждать, что именно эти нормы формируют нормативную основу оговорки о публичном порядке в китайском гражданском праве. Так, статья 8 Гражданского кодекса КНР закрепляет общее требование, согласно которому субъекты гражданских правоотношений при осуществлении своей деятельности обязаны соблюдать законы и не нарушать общественный порядок и добрые нравы. Данная норма носит фундаментальный характер и распространяется на все без исключения гражданско-правовые отношения¹⁸. В свою очередь, статья 10 ГК КНР устанавливает, что гражданские споры подлежат разрешению в соответствии с законом, а при отсутствии применимых правовых норм допускается использование обычаев, при условии, что такие обычаи не противоречат общественному порядку и добрым нравам¹⁹.

¹⁴ Liu Xiaohong. *Chinese Civil Law*. Beijing: Law Press China, 2018. С. 54–58.

¹⁵ Chen Lei. Public Policy in Chinese Private International Law // *Journal of Private International Law*. 2017. Vol. 13. P. 88–92.

¹⁶ Symeonides S. *Codifying Choice of Law Around the World*. Oxford: Oxford University Press, 2014. С. 223–225.

¹⁷ Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (1958). URL: https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards

¹⁸ Civil Code of the PRC. Art. 8.

¹⁹ Civil Code of the PRC. Art. 10.

Таким образом, обе указанные нормы прямо закрепляют пределы допустимого поведения субъектов и источников регулирования, формируя тем самым универсальный критерий допустимости — соответствие общественному порядку.

Следовательно, можно сделать вывод, что именно через статьи 8 и 10 ГК КНР осуществляется базовое регулирование оговорки о публичном порядке в китайском праве.

Содержательное наполнение данной оговорки раскрывается преимущественно через судебную практику, ключевую роль в которой играет Верховный народный суд КНР²⁰. Несмотря на абстрактность законодательных формулировок, судебная практика демонстрирует формирование ограничительного подхода к применению оговорки о публичном порядке. Китайские суды исходят из того, что нарушение публичного порядка имеет место лишь в случаях посягательства на фундаментальные принципы правовой системы, государственной суверенитет, безопасность государства или базовые моральные устои общества²¹. При этом такие обстоятельства, как ошибки в применении права, экономическая невыгодность или даже несправедливость арбитражного решения, не признаются достаточными основаниями для применения данной оговорки.

Подобный подход соответствует международной тенденции и способствует укреплению доверия к китайской юрисдикции как к благоприятной для международного арбитража²². Особую роль в обеспечении единообразия применения оговорки о публичном порядке играет так называемая система отчетности (reporting system), действующая в КНР. В соответствии с данной системой, любой отказ в признании или приведении в исполнение иностранного арбитражного решения должен быть согласован с вышестоящими судебными инстанциями и в конечном итоге утвержден Верховным народным судом КНР²³. Данный механизм существенно ограничивает дискрецию судов нижестоящих уровней и предотвращает произвольное толкование категории публичного порядка. В результате в китайской судебной практике сформировался устойчивый и предсказуемый подход, при котором оговорка о публичном порядке применяется исключительно в исключительных случаях, что соответствует принципу благоприятствования исполнению арбитражных решений.

В развитие изложенного представляется целесообразным обратиться к функциональному анализу оговорки о публичном порядке в праве Китайской Народной Республики, позволяющему более глубоко раскрыть её правовую природу и значение. В научной литературе обоснованно выделяются несколько ключевых функций данного института, каждая из которых отражает особенности китайской правовой системы и её взаимодействие с международным правовым пространством.

Прежде всего, оговорка о публичном порядке выполняет защитную функцию, направленную на охрану фундаментальных принципов национального правопорядка. Речь идет не только о базовых началах гражданского права, но и о более широком комплексе ценностей, включающих государственный суверенитет, экономическую безопасность и социальную стабильность. В этом контексте категории «общественные и публичные интересы» и «общественный порядок и добрые нравы» выступают в качестве

²⁰ Chen Weitseng. *The Making of the Chinese Civil Code*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. С. 98–103.

²¹ Born G. *International Commercial Arbitration*. 3rd ed. The Hague: Kluwer Law International, 2021. С. 3700–3705.

²² Zhang Mo. *Chinese Contract Law*. Leiden: Brill, 2006. С. 67–70.

²³ Supreme People's Court of China. URL: <https://english.court.gov.cn>

своеобразного «юридического фильтра», позволяющего исключить применение иностранного права или признание иностранных решений, способных нанести ущерб ключевым интересам государства. Наряду с защитной функцией, оговорка о публичном порядке выполняет координационную функцию, обеспечивая согласование национального и иностранного правопорядков. В условиях глобализации и активного участия КНР в трансграничных частноправовых отношениях возникает необходимость учитывать иностранные правовые нормы и решения. Однако их интеграция в национальную правовую систему возможна лишь при условии их соответствия базовым ценностям китайского общества. Таким образом, оговорка о публичном порядке выступает инструментом «юридической адаптации», позволяя гармонизировать взаимодействие различных правовых систем без утраты национальной правовой идентичности. Особого внимания заслуживает также превентивная функция рассматриваемой оговорки²⁴. Само наличие в законодательстве и судебной практике механизма отказа в применении иностранного права по мотивам противоречия публичному порядку оказывает дисциплинирующее воздействие на участников международного оборота. Стороны, вступающие в трансграничные сделки, вынуждены учитывать возможные ограничения, связанные с применением китайского публичного порядка, что способствует более ответственному и взвешенному выбору применимого права и юрисдикции. В этом смысле оговорка о публичном порядке выполняет не только реактивную, но и профилактическую роль²⁵.

Дополнительно следует отметить, что китайская модель применения оговорки о публичном порядке демонстрирует определенную специфику в сравнении с континентально-европейскими правопорядками. Если в ряде государств данная оговорка традиционно рассматривается как исключительный механизм, применяемый в строго ограниченных случаях, то в КНР её содержание изначально формулируется через более широкие и оценочные категории. Однако на уровне правоприменения наблюдается обратная тенденция — фактическое сужение сферы её применения. Таким образом, можно говорить о своеобразном «двойственном характере» китайского подхода: широкая нормативная формулировка сочетается с узкой практикой применения. Важным аспектом является также соотношение оговорки о публичном порядке с принципом автономии воли сторон, который играет ключевую роль в международном частном праве. Китайское право, признавая значение данного принципа, одновременно устанавливает его пределы через категории общественного порядка и добрых нравов. Это означает, что даже при наличии соглашения сторон о применении иностранного права или выборе иностранной юрисдикции, соответствующие положения не будут иметь юридической силы, если их реализация приведет к нарушению фундаментальных принципов китайского правопорядка.

Тем самым обеспечивается баланс между свободой частной инициативы и необходимостью защиты публичных интересов. Наконец, следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие института публичного порядка в КНР, вероятно, будет связано с его постепенной конкретизацией и повышением уровня правовой определенности.

²⁴ Shen Sibao. *International Economic Law in China*. Beijing: Peking University Press, 2012. С. 201–205.

²⁵ He Qisheng. Public Policy in China's International Arbitration // *Arbitration International*. 2018. Vol. 34. P. 121–125.

В условиях углубления международного экономического сотрудничества, в том числе в рамках таких инициатив, как Один пояс — один путь, возрастает потребность в предсказуемости правоприменительной практики. Это, в свою очередь, стимулирует как судебные органы, так и законодателя к выработке более четких критериев применения оценочных категорий, лежащих в основе оговорки о публичном порядке. Таким образом, оговорка о публичном порядке в праве КНР представляет собой многогранный и динамично развивающийся институт, сочетающий в себе элементы национальной правовой традиции и международных стандартов. Её значение выходит за рамки сугубо юридической конструкции, поскольку она отражает более широкий процесс взаимодействия правовых систем в условиях глобализации и трансформации международных экономических отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Германии (BGB) (Bürgerliches Gesetzbuch).
2. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (принят 2020 г.).
3. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений // United Nations Treaty Series.
4. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже (с изм. 2006 г.).
5. Gary B. Born. *International Commercial Arbitration*. 3rd ed. The Hague: Kluwer Law International, 2021.
6. Albert Jan van den Berg. *The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation*. The Hague: Kluwer Law International, 1981.
7. International Law Association. *Final Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards*. New Delhi, 2002.
8. Redfern A., Hunter M. *Law and Practice of International Commercial Arbitration*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015.
9. Lew J. D. M., Mistelis L. A., Kröll S. *Comparative International Commercial Arbitration*. The Hague: Kluwer Law International, 2003.
10. Supreme People's Court of China. *Judicial Interpretations and Reporting System on Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards*.